

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года преосвященным Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 2. С. 329—348 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 1)

(Описаніе путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

9-е Іюля. Воскресенье. Архіерейское служеніе въ храмѣ Благовѣщенія. Вѣнчаніе, совершенное митрополитомъ. Бытвые особенности.

Въ семь часовъ утра мы отправились въ церковь, чтобы заранѣе все приготовить къ архіерейскому служенію нашего Преосвященнаго. Церковь была уже полна народомъ. Громадная толпа стояла у входа, оттиснутая полиціею, которая, во избѣжаніе давки, не могла впустить всѣхъ, желающихъ посмотрѣть русское архіерейское служеніе. Шла утренняя, совершаемая по гречески однимъ священникомъ. Митрополитъ Фотій былъ уже въ церкви, стоя на своемъ мѣстѣ близъ праваго клироса. Поведеніе собравшихся въ церковь людей далеко не соотвѣтствовало святости храма: довольно громкое шептанье шло по церкви, нарушая церковное благочиніе. Женщины далеко превосходили въ этомъ отношеніи мужчинъ. Стоя отдѣльно отъ послѣднихъ, на хорахъ за рѣшеткой, онѣ, нисколько не стѣсняясь, разговаривали почти вслухъ, перебраниваясь часто изъ-за мѣстъ, забывая, что онѣ находятся во храмѣ. Такъ какъ въ церкви было очень тѣсно, то многіе, взрослые и дѣти, помѣстились на амвонѣ, стоя вплотную у самаго иконостаса, спиною къ иконамъ.

1) Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ. Январь стр. 104—155.

Въ концѣ утрени прибылъ въ храмъ Преосвященный нашъ и былъ встрѣченъ обычно съ крестомъ нашимъ духовенствомъ, двумя арабскими священниками и однимъ греческимъ. Преподавъ благословеніе народу и священнослужителямъ, нашъ епископъ прошелъ въ алтарь, гдѣ его встрѣтилъ митр. Фотій и здѣсь они братски облобызались. Преосвященный облачился въ малиновое бархатное облаченіе; такого же цвѣта облаченіе было и у остального служащаго духовенства. Сослужащими Преосвященному были: архим. Александръ, безъ митры, которая, по греческому обычаю, не носится архимандритами во время архіерейскаго служенія; затѣмъ о. Николай Вишняковъ, о. Анастасій, о. Варсонофій, одинъ греческій священникъ, и одинъ арабскій. Діакономъ былъ грекъ, довольно хорошо говорившій по русски. М. Фотій стоялъ на своемъ мѣстѣ, у праваго клироса, но во время богослуженія часто входилъ въ алтарь, чтобы видѣть особенности русскаго архіерейскаго служенія. Непосредственно послѣ утрени началась обѣдня, такъ какъ въ греческихъ церквахъ часы предъ обѣдней обыкновенно не читаются. Составилось два небольшихъ хора: на одномъ клиросѣ стали наши путники, къ которымъ присоединились нѣкоторые учителя и ученики-арабы изъ русской школы, умѣющіе пѣть обѣдню на церковно-славянскомъ языкѣ; на другомъ клиросѣ были греческіе и арабскіе клирики, умѣющіе пѣть только по гречески и по арабски. Всѣ были въ какомъ-то напряженіи, ожидая выхода русскаго архіерея. Былъ уже девятый часъ въ началѣ. Когда епископу доложили, что все уже готово, и хоръ на своихъ мѣстахъ, онъ вышелъ черезъ царскія врата на средину церкви къ приготовленному для него креслу съ мягкимъ сидѣньемъ, поставленному не на возвышеніи, какъ у насъ, а просто на полу. Началась литургія. Служба совершалась по чину архіерейскому, который принять у насъ въ Россіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, восточными особенностями; пѣніе шло, по очереди, на церковно-славянскомъ и греческихъ языкахъ, а нѣсколько пѣснопѣній было исполнено на арабскомъ языкѣ. Возгласы священнослужащихъ произносились также на этихъ трехъ языкахъ. Преосвященный читалъ молитвы преимущественно на ц.-слав. языкѣ, но произносилъ иногда нѣкоторые возгласы на греческомъ и арабскомъ языкахъ. Эта обѣдня, благодаря

смѣшенію трехъ языковъ, носила какой-то особый отпечатокъ, производя пріятное впечатлѣніе на сердца молящихся, которые радовались, видя, что хвала Богу воздается на ихъ родныхъ языкахъ. „Кирие элейсонъ“, „Господи помилуй“ и „ярабурхамъ“—то и дѣло чередовались другъ съ другомъ на клиросахъ во время великой ектеніи. Первая малая ектенія шла сплошь на греческомъ языкѣ, а вторая сплошь на арабскомъ. Надо было видѣть во время этой ектеніи арабовъ, лица которыхъ въ это время оживлялись, вниманіе усиливалось, тишина въ церкви водворялась мертвая. Но вотъ, начался входъ съ Евангеліемъ. Діаконъ произнесъ: *σοφία, ὀρθοί*, (премудрость, прости), и хоръ запѣлъ „пріидите, поклонимся....“ на ц.-славянскомъ языкѣ, духовенство вмѣстѣ съ архіереемъ ушло въ алтарь. Послѣ обычнаго кажденія и выклички, съ провозглашеніемъ многихъ лѣтъ какъ нашему Преосвященному, такъ и патріарху Іерусалимскому и Назаретскому митрополиту, и послѣ троекратнаго пѣнія трисвятаго на греческомъ языкѣ, Преосвященный вышелъ на амвонъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой дикирій, и произнесъ извѣстный возгласъ „Призри съ небесе, Боже....“ на трехъ языкахъ, и соотвѣтственно этому пропѣто было „Святый Боже“ на трехъ языкахъ. Эта, съ чувствомъ произнесенная, архіерейская молитва, троекратное осѣненіе народа крестомъ, умилительное пѣніе Трисвятаго, понимаемаго всѣми,—все это должнымъ образомъ подѣйствовало на души всѣхъ слушателей, которые начали усерднѣе молиться и внимательнѣе прислушиваться къ службѣ. Апостолъ читали на срединѣ церкви на трехъ языкахъ: сначала арабскій учитель на ц.-славянскомъ, затѣмъ одинъ мальчикъ прекраснымъ альто прочиталъ Апостолъ на греческомъ, а другой мальчикъ—на арабскомъ. „Ассаляму лижамишкомъ“ (миръ всѣмъ) произнесъ Преосвященный; „уалирухика айданъ“ (и духови Твоему) также по арабски отвѣтилъ хоръ. Послѣдовало чтеніе Евангелія по греческому обычаю на построенномъ для этого возвышеніи около праваго клироса. Протодіаконъ читалъ на ц.-славянскомъ, одинъ иподіаконъ—на греческомъ, а другой—на арабскомъ. Вся сугубая ектенія произносилась на ц.-славянскомъ языкѣ, на которомъ также исполнялось и пѣніе херувимской. Побѣжденные торжественностью Богослуженія, слушатели, хотя многого и не пони-

мали, все-таки съ жаромъ предались молитвѣ, оставивъ свои разговоры другъ съ другомъ. На женскихъ хорахъ водворилась тишина, прерываемая изрѣдка лишь всхлипываніями колѣнопреклоненныхъ женщинъ и ихъ молитвенными вздохами. По перенесеніи св. Даровъ, хоръ пропѣлъ вторую половину херувимской уже на греческомъ языкѣ. Послѣ этого просительная ектенія шла на греческомъ языкѣ. Символь вѣры былъ спѣтъ на ц.-слав. языкѣ, но не прочитанъ, какъ это принято у грековъ. Приближались къ самымъ важнѣйшимъ моментамъ Богослуженія. *Ἐσόμεν καλῶς* (станемъ добре....) провозгласилъ на греческомъ языкѣ діаконовъ, на что хоръ по гречески и отвѣтилъ. Но вотъ изъ алтаря съ трикиріемъ и дикиріемъ вышелъ Преосвященный, произнесъ на ц.-слав. языкѣ возгласъ „Благодать Господа...“ и осѣнилъ народъ. „И со-духомъ твоимъ“, отвѣтилъ хоръ, причемъ молящіеся чуть не до земли поклонились, по направленію къ владыкѣ. Повернувшись въ лѣвую сторону, возгласилъ Преосвященный: „*Αὐτὸ σὺόμεν τὰς καρδίας*“,—хоръ также спѣлъ по гречески. Наконецъ, третій возгласъ былъ произнесенъ епископомъ на арабскомъ языкѣ: „Фальнашъ кураррабъ“ (Благодаримъ Господа), на что хоръ отвѣтилъ пѣніемъ „Достойно и праведно есть...“. Слѣдующіе затѣмъ возгласы произносились поочередно на трехъ языкахъ, соотвѣтственно этому было и пѣніе. По оживленнымъ арабскимъ лицамъ видно было, что они весьма довольны: имъ было пріятно слышать свой языкъ изъ устъ архіерея любимаго ими русскаго народа. Послѣ литургіи, Преосвященный, не разоблачаясь, вмѣстѣ со служащимъ духовенствомъ и своимъ хоромъ прошелъ въ нижній предѣлъ, гдѣ подъ престоломъ находится святой источникъ. Толпа хлынула за нимъ, но была остановлена кавасами. Здѣсь на нашемъ родномъ языкѣ былъ отслуженъ Преосвященнымъ торжественный молебенъ, при чемъ читалось евангеліе Благовѣщенію Пресвятой Дѣвы. Молебенъ закончился многолѣтіемъ Нашему Царствующему дому, Св. Синоду, а также патріарху Іерусалимскому и митрополиту Фотію. По окончаніи Богослуженія, Преосвященный, разоблачившись, въ одной мантии нѣсколько времени благословлялъ народъ, который былъ очарованъ торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ, выражая громко ему свою благодарность: „Мутранъ московъ, о! мутранъ московъ, о!“ только

и слышалось теперь изъ устъ расходившейся восхищенной толпы, не могушей скрыть своего восторга.

Преподавъ каждому благословіе, Преосвященный со всѣми нами, окруженный громадною толпою народа, прямо изъ церкви направился къ Назаретскому Владыкѣ. Послѣдній любезно насъ встрѣтилъ и во время кофе не переставалъ бесѣдовать съ своими гостями, довольный торжественностью сегоднешняго служенія, о чемъ онъ вслухъ и высказалъ нашему Преосвященному. Въ это же время Преосвященный Ректоръ, въ виду циркулировавшихъ слуховъ въ Назаретѣ объ утвержденіи Султаномъ митрополита Фотія патріархомъ Александрійскимъ, привѣтствовалъ отъ всѣхъ насъ съ этимъ важнымъ событіемъ въ его жизни. Митр. Фотій поблагодарилъ, но при этомъ сказалъ, что онъ самъ не получилъ объ этомъ никакихъ извѣстій и что распространившійся слухъ объ этомъ свидѣтельствуетъ о вниманіи къ нему паствы, которая считаетъ его пригоднымъ для занятія патріаршей кафедрой Св. Марка. (Какъ потомъ оказалось, слухи эти дѣйствительно имѣли основаніе: Митр. Фотій вскорѣ былъ утвержденъ Султаномъ, такъ что привѣтствіе наше было первымъ). Тутъ же Митр. Фотій окончательно объявилъ, что вѣнчаніе извѣстной намъ арабской четы будетъ происходить во храмѣ Благовѣщенія, въ 4 ч. дня, чему мы весьма обрадовались. Мы простились съ Митрополитомъ и отправились къ себѣ домой въ школу въ сопровожденіи массы народа, который, восхищенный обхожденіемъ Преосвященнаго, всячески выражалъ ему знаки почтенія.

Затѣмъ нѣкоторые изъ насъ, до обѣда, отправились въ домъ невѣсты, побуждаемые любопытствомъ и любознательностію въ виду интересныхъ, какъ намъ говорили учительницы, предбрачныхъ обрядовъ. Мы подошли къ низенькой калиткѣ дома, около котораго толпилось много женщинъ: въ день свадьбы двери дома невѣсты открыты для всѣхъ лицъ женскаго пола, которыя могутъ свободно приходить и любоваться ею. Намъ—русскимъ, хотя и мужчинамъ, сдѣлали опять исключеніе: входъ въ комнату невѣсты, недоступный мужчинамъ-арабамъ, былъ доступенъ для русскихъ гостей. Насъ любезно пригласили войти въ домъ, изъ котораго слышались звуки какъ бы гармоники и крикливое пѣніе женщинъ. Прямо противъ входной двери,

на высокомъ стулѣ, играющемъ роль трона, одѣтая въ богатое черное шелковое платье, съ золотыми лирами на шеѣ и на груди, на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ, по восточному, сидѣла красавица-арабка, стыдливо опустившая глаза при нашемъ приходѣ. Кругомъ нея сидѣли и стояли женщины и дѣвушки, съ любовью глядя на ея милое и грустное лицо. Изъ ея опущенныхъ рѣсницъ мы замѣтили скатившіяся двѣ слезинки, изъ которыхъ одна, по своей прозрачности, подобно утренней росѣ, долго оставалась неподвижною на ея блѣдномъ лицѣ. Это была какъ бы восточная царица на тронѣ въ кругу своихъ приближенныхъ, позволившая имъ любоваться собою. Не лишены и мы были этого эстетическаго удовольствія. Безъ преувеличенія говоря, это былъ рѣдкій типъ арабской красоты. Правильныя черты ея античнаго лица, какъ бы выточенныя изъ мрамора, были въ полной гармоніи съ ея черными, какъ смоль, глазами. Черные блестящіе волосы, причесанные европейски и унизанные золотыми лирами, красиво ниспадали на ея гордый лобъ. Красивый нарядъ невѣсты нѣсколько обезображивался массою драгоценныхъ вещей и золотыхъ лиръ, во множествѣ надѣтыхъ на нее: здѣсь было и двое золотыхъ часовъ, и громадная золотая цѣпочка, и нѣсколько брошекъ, и еще какія то золотыя украшенія, на головѣ также много драгоценныхъ вещей, руки были украшены множествомъ дорогихъ браслетовъ. Все это—приданое невѣсты, которое она должна показать въ день свадьбы своимъ подругамъ, надѣвъ на себя все цѣнное. Имѣя хорошее приданое, невѣста можетъ найти себѣ и лучшую партію. Но и жениху по тамошнему обычаю приходится уплачивать вѣно за невѣсту, цѣны за которую колеблются отъ 30 до 200 золотыхъ, т. е. отъ 240 до 1600 рублей на наши деньги, соответственно красотѣ и приданому избранницы. Вѣно, конечно, идетъ въ пользу родныхъ невѣсты. Поэтому женихъ, прежде чѣмъ свататься, долженъ приобрѣсти себѣ нѣкоторое состояніе, и вотъ причина, почему арабы рѣдко женятся моложе двадцати четырехъ лѣтъ. За нашу невѣсту заплачено 120 золотыхъ, что служитъ показателемъ довольно солиднаго состоянія жениха. Кромѣ продажи невѣсты, въ брачномъ обычаѣ у арабовъ существуетъ еще одна черта: молодые люди вступаютъ въ бракъ, не видя

раньше другъ друга, и все дѣло улаживается свахами, которыми, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ сестры и матери вступающихъ въ супружество. Но такой обычай мало по малу становится историческимъ достояніемъ, и въ данномъ случаѣ, вѣроятно, не былъ соблюденъ.

Мать невѣсты усердно угощала насъ кофе и сластями. Дѣвицы подъ предводительствомъ старшей сестры невѣсты, молодой, веселой и довольно полной красивой женщины, пѣли и плясали. Пляска была подобно той, которую мы видѣли нѣсколько дней тому назадъ въ домѣ жениха, а пѣніе было теперь гораздо веселѣе и оживленнѣе: казалось, было желаніе развеселить задумчивую невѣсту. Странное было это пѣніе, состоявшее изъ какого-то гигиканья и люлюканья; непривычныя уши съ трудомъ могутъ выносить эти дикія звуки визжавшихъ женщинъ, которыя считали верхомъ искусства произвести звуки самой высокой ноты, не заботясь о красотѣ и о изящности пѣнія. Что касается до сюжета пѣсенъ, то въ нихъ, по словамъ сопровождавшихъ насъ учительницъ, воспѣвается красота невѣсты, сравниваемая съ красотой звѣздъ, стройныхъ пальмъ, подобно нѣкоторымъ поэтическимъ сравненіямъ изъ библейскихъ „Пѣсенъ Пѣсней“. Въ качествѣ музыкальнаго инструмента здѣсь фигурировала наша русская гармоника, на которой игралъ, повидимому, приглашенный для этой цѣли, арабскій музыкантъ; подъ акомпаниментъ этой незатѣйливой музыки производились пляска и пѣніе женщинъ. Невѣста не принимала въ этомъ участія: игры женщинъ, казалось, мало развлекали ее. Какъ мраморное изваяніе, безучастная къ веселью молодыхъ подругъ, неподвижно сидѣла она на своемъ высокомъ тронѣ, грустно смотря куда-то вдаль и лишь изрѣдка отвѣчая печальною улыбкой на шутивыя слова пѣсенъ окружающихъ ея дѣвицъ. Если бы не судорожное сжиманіе тонкихъ губъ, не нервное подергиванье черныхъ бровей, можно было бы подумать, что это прекрасное существо совершенно лишено жизнѣдѣтельности. Временами яркая краска появлялась на ея блѣдномъ лицѣ, а глаза загорались особеннымъ фосфорическимъ блескомъ, грудь высоко вздымалась, выдавая ея душевныя волненія, но затѣмъ, какъ бы не желая показывать своего настроенія, она сжимала свои густыя брови, еще ниже опускала красивую

голову, оставаясь нѣкоторое время въ состояніи полной апатіи. Это была полная грусть, воплощенная въ чудныхъ чертахъ и стройной фигурѣ арабской женщины. О чемъ тоскуетъ она? задавались мы вопросомъ. Можетъ быть, невѣстность пугаетъ ее, боязнь промѣнять свою дѣвическую свободу на деспотизмъ грубаго мужа, преждевременное увяданіе красоты отъ непосильныхъ страданій въ чуждой еѣ семьѣ. Но она крѣпко хранитъ свою тайну, никому не выдаетъ своихъ невеселыхъ думъ. Подъ конецъ только подружки невѣсты привлекли ее къ пляскѣ. Уступая просьбамъ ихъ, она молча спустилась съ своего трона, надѣла на ноги высокія сандаліи и неподвижно стала по срединѣ комнаты, ожидая чего-то. Вскорѣ принесли двѣ зажженныхъ желтыхъ узорчатыхъ свѣчи, дали ихъ въ руки двумъ маленькимъ дѣтямъ, которыя стали по обѣимъ сторонамъ невѣсты, приготовлявшейся плясать. Дѣвицы запѣли какую-то заунывную пѣсню, во время которой невѣста, стоя почти на одномъ мѣстѣ, имѣя по сторонамъ двухъ дѣтокъ съ зажженными свѣчами, еле-еле передвигала ногами, выдѣлывая какіе-то едва замѣтные „па“. Глаза у нея при этомъ то поднимались, то опускались, то загорались, то потухали, брови передергивались, ротъ то закрывался, то открывался, показывая бѣлые жемчужные зубы. Мимикой своего выразительнаго лица она старалась замѣнить обычныя плясовыя тѣлодвиженія и танцевальныя „па“: лицо ея выражало радость, которая затѣмъ замѣнялась выраженіемъ печали и тоски. Нельзя было не удивляться этому переменному измѣненію лица, которому она, по желанію, придавала различныя выраженія: и горя, и радости, и любви, и ненависти, и надежды, и отчаянія. Это сопровождалось подергиваньемъ плечъ и равномернымъ качаніемъ стройнаго стана. Пройдя такимъ образомъ отъ одного конца комнаты до другого, она остановилась, сняла съ себя сандаліи и съ помощью подругъ поднялась на свой импровизированный тронъ. Лицо ея приняло обычное выраженіе скорби.

Болѣе часу пробыли мы здѣсь. Наконецъ, пожелавъ невѣстѣ всякаго счастья въ жизни,—причемъ эти пожеланія высказаны были по русски, такъ какъ невѣста, какъ воспитанница русской школы, понимала русскую рѣчь,—мы возвратились домой, гдѣ, во время обѣда и послѣобѣденнаго

чая, дѣлились впечатлѣніями отъ видѣннаго. Около четырехъ часовъ послышался звонъ съ греческой колокольни, возвѣщающій начало вѣнчанія арабской четы. Съ кровли увидѣли мы шедшаго въ церковь Митрополита. Преосвященный съ нами присоединился къ нему. Церковь была уже полна народомъ; мужчины и въ церкви оставались въ фескахъ, что насъ непріятно поражало. Женщины уже были въ церкви. Немного спустя, привели и невѣсту. Женихъ былъ облеченъ въ бѣлый кумбазъ, поверхъ котораго былъ надѣтъ европейскій пиджакъ изъ какой-то сѣрой матеріи, что весьма не подходило къ восточному типу брачующагося. На невѣстѣ было шелковое моаровое платье чернаго цвѣта, лицо было закрыто тремя плотными черными покрывалами, спускавшимися ниже пояса. Она шла подъ руку съ своею старшею сестрою въ сопровожденіи подругъ. Чтобы лучше видѣть, мы расположились по сторонамъ обоихъ клиросовъ, въ стасидіяхъ. Митрополитъ былъ покуда въ алтарѣ, а Преосвященный—въ его стасидіи. Но вотъ помолвленную чету поставили посреди церкви, недалеко отъ клиросовъ. Рядомъ съ женихомъ стала дружка, арабъ среднихъ лѣтъ, въ своемъ національномъ костюмѣ; рядомъ съ невѣстой стала сестра ея,—что было даже весьма необходимо, такъ какъ послѣдняя поддерживала видимо волновавшуюся невѣсту. Началось вѣнчаніе. Чинъ совершался на арабскомъ и греческомъ языкахъ. Арабскій священникъ подаль большія зажженные свѣчи жениху и невѣстѣ, которые сейчасъ и передали ихъ двумъ стоявшимъ рядомъ съ ними мальчикамъ. Это были тѣ самыя свѣчи, которыя мы видѣли сегодня утромъ въ рукахъ дѣтей, державшихъ ихъ по обѣимъ сторонамъ танцовавшей невѣсты. Во все время вѣнчанія мальчики держали свѣчи. Намъ, какъ почетнымъ гостямъ, дружка также роздалъ свѣчи, которыя мы и держали въ рукахъ зажженными въ продолженіе всего таинства. Мало чѣмъ отличался этотъ чинъ вѣнчанія отъ нашего. Первая половина его (обрученіе) совершалась соборомъ изъ трехъ священниковъ-арабовъ, которые поочереди читали молитвы. По окончаніи обрученія, вышелъ изъ алтаря митрополитъ Фотій въ мантии и маломъ омоѳорѣ и приступилъ къ совершенію и самого таинства. Всѣ молитвы читалъ онъ на греческомъ языкѣ, на которомъ также, довольно посредственно,

исполнялось и пѣніе. Странно было намъ смотрѣть на вѣнчаніе, совершаемое соборомъ, да еще при участіи Митрополита. вмѣсто металлическихъ вѣнцовъ на головахъ новобрачныхъ были надѣты вѣнки изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Странное впечатлѣніе производила на насъ эта траурная невѣста, закутанная покрывалами, съ вѣнкомъ на головѣ. Какою-то грустью вѣяло отъ нея, отъ всей ея траурной фигуры. Она явилась какъ бы не на брачное торжество, а на печальный обрядъ отпѣванія, какому впечатлѣнію способствовали горѣвшія въ рукахъ присутствующихъ свѣчи. По мѣрѣ того, какъ вѣнчаніе шло впередъ, невѣста болѣе и болѣе волновалась, что было замѣтно по учащеннымъ вздрагиваніямъ ея стройнаго стана. Время отъ времени стоявшая рядомъ съ нею сестра давала ей стаканъ съ водою, которую новобрачная глотала съ жадностью, не поднимая покрывала. Пришло время вести жениха и невѣсту вокругъ аналоя. Новобрачная вздрогнула и чуть не упала въ сторону своей сестры, которая быстро поддержала ее. Какъ оказалось послѣ, невѣста была почти безъ сознанія: съ ней сдѣлался легкой обморокъ отъ сильной жары въ храмѣ и духоты отъ множества покрываль, закрывавшихъ лицо ея. Вѣнчаніе все-таки продолжалось. Во время обхожденія вокругъ аналоя женихъ ведетъ невѣсту, держа съ мизинцемъ своей руки за ея мизинецъ; съ ними также шли дружка и сестра невѣсты, а шествіе замыкали мальчики—свѣщеносцы. Маленькая особенность намъ бросилась въ глаза: послѣ того какъ новобрачные троекратно выпили поданное имъ вино, сестра невѣсты взяла стаканъ съ виномъ и, выпивъ изъ него глотокъ, подала его дружку, который и допилъ остальное. Во время вѣнчанія новобрачные молились очень мало, при чемъ невѣста, кажется, ни разу не перекрестилась,—что зависѣло отъ стѣсненныхъ костюмомъ рукъ, а также и отъ почти безчувственного ея состоянія.

Вѣнчаніе кончилось. Не успѣвъ еще митрополитъ дойти до царскихъ вратъ, не успѣли еще замереть въ воздухѣ послѣдніе звуки молитвъ и пѣнопѣній, какъ въ церкви начался невообразимый гвалтъ: женщины стали спускаться съ хоръ, чтобы привѣтствовать невѣсту, и ихъ неистовые клики перемѣшивались съ церковнымъ концертомъ, исполнявшимся въ честь новобрачныхъ на клиросахъ. Среди этого

люлюканья и гиканья женщинъ и церковнаго пѣнія, изъ груди невѣсты послышался страдальческій стонъ, она слабо вскрикнула, схватилась за сердце и безъ чувствъ повалилась на плечо своей старшей сестры.

Видимо взволнованный этимъ печальнымъ обстоятельствомъ, женихъ стоялъ, потупивъ взоры; затѣмъ, шепнувъ что-то своему дружкѣ, вышелъ изъ церкви безъ невѣсты, въ сопровожденіи смущенныхъ товарищей. Не смотря на такой непріятный инцидентъ, женщины продолжали оглашать воздухъ своими дикими выкрикиваніями, хлопали въ ладоши, неистово бѣгали по церкви, забывая, что онѣ находятся не дома, а въ храмѣ Божиѣмъ. Чтобы не видѣть безобразія, которое дочери Востока производили своимъ поведеніемъ во храмѣ, Митрополитъ и нашъ Преосвященный съ духовными лицами поспѣшили выйти изъ церкви. Не потому-ли здѣшнее духовенство и имѣетъ обыкновеніе вѣнчать при домашней обстановкѣ, при которой это рѣзкое проявленіе радости по случаю свадьбы, во всякомъ случаѣ, пристойнѣе, чѣмъ въ этомъ святомъ мѣстѣ?

Между тѣмъ невѣста, отведенная подругами къ сторонкѣ, находилась все еще въ глубокомъ обморокѣ. По недогадливости ли, или же во имя традиціоннаго восточнаго приличія, женщины не снимали съ лица новобрачной плотныхъ покрывалъ. Русскія учительницы убѣдили ихъ открыть лицо безчувственной молодой, чтобы удобнѣе было приводить ее въ чувство. Мы находились близъ этой заинтересовавшей насъ группы женщинъ, хлопотавшихъ около больной. Покрывало было отдернуто, и мы увидѣли блѣдное безъ всякой кровинки лицо новобрачной съ закрытыми глазами, съ печатью страданій въ ея античныхъ чертахъ. Черный цвѣтъ ея платья еще рѣзче отбѣнялъ мертвенную блѣдность ея лица. Сердобольныя учительницы принесли одеколону, которымъ ѿ стали натирать виски новобрачной. Она начала приходить въ себя. Глаза ея полуоткрывались, высохшія губы потребовали воды; нѣсколько глотковъ послѣдней, и она совершенно очнулась. Румянецъ сталъ покрывать ея блѣдныя щеки, потухшіе глаза загорѣлись. Увидѣвъ направленные на нее взоры мужчинъ, она сконфузилась и опустила голову. Наконецъ, она встала и улыбнулась окружавшимъ ее подругамъ. Одна изъ учительницъ бросилась къ ней на

шею, стала цѣловать ее, поздравляя съ законнымъ бракомъ. При этомъ привѣтствіи, новобрачная вздрогнула, выпрямилась во весь свой ростъ, лицо ея искривилось какой-то гримасой, губы судорожно сжались; она хотѣла что-то сказать, но внезапно хлынувшія изъ ея глазъ слезы были отвѣтомъ на поздравленія подругъ. Женщины быстро опустили на ея голову густыя покрывала, направились къ выходу, ведя за собою шатавшуюся молодую. Гомонъ въ церкви какъ бы еще сдѣлался сильнѣе, неистовство визжавшихъ женщинъ доходило до апогея. Ошеломленные всѣмъ видѣннымъ, удивляясь непристойному поведенію арабокъ, не имѣвшихъ никакого понятія о святости христіанскаго храма, мы опередили группу женщинъ, ведшихъ молодую, и вышли изъ церкви. Съ облегченнымъ сердцемъ вздохнули мы, очутившись на улицѣ и жадно глотая свѣжій вечерній воздухъ. Неистовые клики и люлюканье женщинъ долго еще стояли въ нашихъ ушахъ, а блѣдное лицо новобрачной съ заплаканными глазами преслѣдовало насъ всю дорогу до самой школы. Мы поднялись на крышу ея, гдѣ уже было все наше общество во главѣ съ Преосвященнымъ. Отсюда намъ удобнѣе было наблюдать обратное шествіе новобрачной изъ церкви. Эта процессія вскорѣ не замедлила появиться передъ нашими глазами. Еще издали послышалось голосистое пѣніе женщинъ подъ акомпаниментъ незатѣливой брадательной музыки. Но вотъ показалось и само шествіе, сопровождаемое не только пѣніемъ, но и пляской арабокъ.

Самый центръ процессіи занимала новобрачная, которая, поддерживаемая подругами, медленно, медленно шла впередъ, неровной поступью направляясь къ новому своему жилищу, къ дому жениха, ставшаго теперь ея законнымъ мужемъ и властелиномъ. Главою процессіи былъ тотъ старикъ, котораго мы нѣсколько дней тому назадъ видѣли въ домѣ жениха заправлявшимъ пиромъ на женской половинѣ. Передъ домомъ русской школы, прямо противъ насъ, процессія остановилась на нѣкоторое время, чтобы, какъ намъ казалось, дать возможность русскимъ гостямъ получше и поближе ознакомиться съ ихъ своеобразными пѣніемъ и пляскою. Оживленнѣе всѣхъ была сестра невѣсты, которая шла впереди всѣхъ, пѣла и плясала подъ тактъ музыки, махая бѣлымъ платкомъ. Затѣмъ процессія продолжала свой

путь дальше, и мы долго еще слышали удалявшіеся звуки свадебной музыки, которая затихла только тогда, когда молодую ввели въ домъ новобрачнаго. Сегодня молодые будутъ находиться въ кругу лишь близкихъ родственниковъ, а завтра днемъ будетъ официальный обѣдъ, куда приглашены знатныя лица города, а также и Назаретскій Владыко, который долженъ благословить молодыхъ на новую жизнь; послѣ же обѣда, вечеромъ, по уходѣ митрополита, начнется свадебный балъ, который будетъ послѣднимъ изъ числа всѣхъ свадебныхъ увеселеній, а затѣмъ жизнь войдетъ въ обыкновенную будничную колею, и дни молодыхъ потекутъ ровнымъ, обычнымъ потокомъ.

Митрополитъ приглашалъ насъ на сегодняшній вечеръ къ себѣ на дачу, куда онъ отправился сейчасъ же по окончаніи вѣнчанія верхомъ на лошади. Но мы отказались отъ его любезнаго приглашенія, желая лучше послѣдній вечеръ провести въ самомъ Назаретѣ. Послѣ чаю, почти около шести часовъ вечера, мы отправились по улицамъ города, и около восьми возвратились опять въ школу прямо къ ужину. Разговоръ шелъ о предстоящемъ завтрашнемъ отъѣздѣ, который былъ окончательно назначенъ въ 3 ч. дня. Неужели сегодня мы проводимъ послѣдній вечеръ въ Назаретѣ? Намъ было жаль расставаться съ этимъ полюбившимся намъ городомъ, съ его простыми и душевными жителями, съ его улицами и святынями, дорогими для насъ по своимъ священнымъ воспоминаніямъ. Намъ жаль было покидать и эту гостепріимную школу, въ которой мы чувствовали себя, какъ дома.

Послѣ ужина мы вышли на балконъ. Было 9 ч. вечера. Ночь была темная, яркія звѣзды горѣли на небѣ. Наслаждаясь чудною горною ночью и мирно почивающимъ градомъ Св. Дѣвы, мы провели еще нѣсколько времени на кровлѣ дома, дѣлясь впечатлѣніями истекшаго дня.

Около 11-ти часовъ мы отправились на отдыхъ.

10-е Юля. Понедѣльникъ. Прощаніе съ Митр. Фотіемъ. На горѣ Низверженія. Плотничная мастерская Іосифа Обручника. Приготовление къ отъѣзду изъ Назарета.

Проснулись мы въ 8 ч. утра. „Сегодня послѣдній день пребыванія нашего въ Назаретъ,“—вотъ мысль, съ которою

мы встали. Съ грустью думали мы о предстоящемъ отъѣздѣ. Послѣ чаю, ровно въ 9 ч. утра, во главѣ съ Преосвященнымъ мы отправились въ греческую митрополию, прошли въ домовую митрополичью церковь, гдѣ насъ уже ожидалъ Назаретскій Владыко. Церковь—маленькая, но очень порядочная,—обновлена недавно усердіемъ Митрополита Фотія. Тотчасъ Митрополитъ, въ маломъ омофорѣ, началъ служить молебенъ на греческомъ языкѣ, при чемъ евангеліе читалъ на церк.-славянскомъ языкѣ нашъ Преосвященный, на котораго также надѣтъ былъ малый омофоръ. Кончился молебенъ, мы подошли ко кресту. Митрополитъ обратился къ Преосвященному съ рѣчью, на греческомъ языкѣ, въ которой благодарилъ за посѣщеніе и, между прочимъ, высказалъ удивленіе по поводу того, что русскіе, желая посѣтить священные мѣста, не стѣсняются разстояніями, не жалѣютъ ни силъ, ни здоровья, ни средствъ. „Какъ велико, значитъ, благочестіе у русскихъ людей и какъ процвѣтаетъ у нихъ православная вѣра!“, заключилъ свою одушевленную рѣчь привѣтливый Митрополитъ.

На эту рѣчь Преосвященный, въ свою очередь, отвѣтилъ также рѣчью, въ которой благодарилъ Митрополита за его радушіе и вниманіе къ намъ. Въ заключеніе выразилъ наше общее пожеланіе видѣть его вскорѣ! свѣтящимъ на болѣе высокой свѣщницѣ. Мы стали подходить подъ благословеніе Митрополита. Благословляя, онъ надѣвалъ каждому изъ насъ на шею по перламутровому образку, съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы. Мы были очарованы такой любезностью Назаретскаго Владыки, который въ отвѣтъ на нашу благодарность троекратно лобызался съ каждымъ изъ насъ.

Затѣмъ всѣ мы, въ сопровожденіи Митрополита, отправились въ послѣдній разъ въ его приѣмную, гдѣ, по обычаю, намъ былъ предложенъ черный кофе. Тутъ уже ожидало все Назаретское духовенство, представители города и множество народа. Цѣлый часъ длился этотъ прощальный визитъ. Затѣмъ еще разъ получивъ благословеніе Митрополита, мы, напутствуемые благожеланіями его и присутствовавшихъ при этомъ, отправились домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Впрочемъ, трое изъ насъ рѣшили до отъезда посѣтить видѣвшуюся съ кровли школы, но находящуюся довольно далеко, гору Низверженія.

Солнце палило немилосердно. Мы прошли черезъ весь городъ, быстро очутились на его окраинѣ, гдѣ находились тока для молотбы хлѣба. Молотили такимъ образомъ: лошадей или ословъ, запряженныхъ въ какую-то деревянную доску съ желѣзными гвоздями на нижней сторонѣ, гоняли по току, усыпанному вырѣвшими колосьями ржи или пшеницы. На поляхъ намъ попадались иногда ослы съ отрѣзанными ушами. Намъ объяснили, что здѣсь существуетъ такой обычай: если чужой осель забѣжитъ на сосѣднее поле и будетъ портить его, то владѣтель этого поля имѣетъ право отрѣзать уши забѣжавшему ослу. Чѣмъ же виновато несмысленное животное?

Но вотъ, поля окончились, мы начали подниматься въ гору, мимо виноградниковъ, пока не очутились на узенькой каменистой тропинкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой были не плодородныя нивы, но лишь безжизненные камни. Подъемъ сдѣлался очень крутъ, и мы съ большимъ трудомъ поднялись, наконецъ, на самую вершину горы, гдѣ находилась маленькая греческая церковь, сооруженная изъ камня. Она поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стоялъ Христосъ, подвергавшійся опасности быть сброшеннымъ съ этой горы озлобленными противъ него фарисеями. По католическому преданію, гора Низверженія находится въ другомъ мѣстѣ, на полчаса пути отъ Назарета. Въ воспоминаніе чуда спасенія Господа отъ рукъ Его враговъ, на этой скалѣ католиками поставленъ также небольшой костель. Православная гора Низверженія гораздо отложе католической. Мы стали на паперть греческой церкви и любовались на раскинувшійся близъ этой горы преблагословенный Назаретъ. Но надо спѣшить. Мы стали спускаться внизъ, подошли къ саду, принадлежащему Митрополиту, и вошли въ него. Это и есть дача Назаретскаго Владыки. Узнавши, что мы пріѣхали съ русскимъ архіереемъ, сторожъ пригласилъ насъ погулять по саду и покушать свѣжихъ фруктовъ, изъ которыхъ преобладалъ виноградъ и миндаль. Кромѣ разныхъ сортовъ винограду и миндальныхъ деревьевъ, на дачѣ были фиговые деревья, кактусы, апельсинныя деревья, и еще какія-то намъ невѣдомыя. Среди сада была большая парусинная палатка, внутри которой стояла простая кровать, столъ и нѣсколько стульевъ. Земляной полъ былъ покрытъ мягкимъ

ковромъ. Сюда-то, въ жаркое время дня, а иногда и вечеромъ, прїѣзжаетъ отдыхать митрополитъ Фотій. Мы были прїятно поражены тою простотою обстановки, которою любить окружать себя Назаретскій Владыко. Мы съ удовольствіемъ съѣли принесенный намъ на тарелкѣ сочный виноградъ, который казался намъ особенно вкуснымъ въ виду нашей усталости и невыносимому дневному солнечному зною, заставлявшему насъ страдать и томиться отъ мучительной жажды. Отдохнувъ немного, мы поблагодарили сторожа и вышли изъ сада. По прежней дорогѣ отправились мы обратно въ Назаретъ, и въ началѣ перваго часа дня были уже дома. Обѣдъ только что начался, и мы сейчасъ же присоединились къ обѣдавшей компаніи.

Около часу дня обѣдъ окончился, и въ нашемъ распоряженіи оставалось до отъѣзда не болѣе двухъ часовъ времени. Преосвященный и нѣкоторые изъ насъ пошли отдыхать и приготовляться къ отъѣзду, другіе же рѣшили посвятить это короткое время на прогулку по городу. Мы взяли съ собою черноглазаго Тофика и направились по направленію къ латинскому монастырю. Недалеко отъ него, на сѣверо-востокъ, стоитъ маленькая католическая часовня, построенная 20 лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находилась мастерская Св. Іосифа Обручника. Молодой Кезма отыскалъ сторожа—монаха, который и отперъ намъ часовню. Мы вошли въ нее и остановились по срединѣ. Прямо противъ входной двери находился престолъ, прислоненный къ весьма древней стѣнѣ, оставшейся, какъ объяснилъ намъ монахъ, отъ мастерской Св. Іосифа. Надъ престоломъ, во всю эту стѣну, висѣла картина художественной работы, изображающая Младенца Іисуса, занятаго плотничьею работою рядомъ съ своимъ воспитателемъ Іосифомъ. Смотря на это изображеніе, мы перенеслись мыслью въ тѣ времена, когда воплотившійся Господь жилъ на землѣ совместно съ обыкновенными смертными, терпя часто такіе же матеріальные недостатки, какъ и окружающіе его люди. Онъ не гнушался никакою работою, помогая своему названному отцу въ его плотничьемъ ремеслѣ, которымъ Іосифъ добывалъ своей семьѣ насущный кусокъ хлѣба. Чувство благоговѣнія къ смиренію Господа охватило насъ, мы преклонили передъ престоломъ свои колѣни и съ религіознымъ жаромъ облобы-

зали находящуюся подъ нимъ звѣзду, обозначающую мѣсто стоянія у плотничьяго станка Младенца Іисуса. Какъ тихо, уютно было въ этой чистенькой капеллѣ! Ощущеніе невидимаго присутствія здѣсь Господа ясно чувствовалось нашими сердцами. Цѣлый день можно было бы простоять въ этой комнатѣ въ священныхъ воспоминаніяхъ. Подъ наплывомъ охватившаго насъ религіознаго чувства, подкрѣпленные молитвой, съ легкимъ душевнымъ настроеніемъ, вышли мы изъ часовни. Возвращаясь обратно, мы проходили мимо дома Кезмы, который попросилъ насъ зайти къ нему непременно. Мы вошли въ большую комнату съ каменнымъ поломъ, съ широкими диванами по стѣнамъ. Въ комнатѣ было прохладно отъ спущенныхъ деревянныхъ рѣшетокъ на окнахъ. Благодаря наклонно расположеннымъ планкамъ, промежутки между ними, свободно пропуская свѣтъ, въ то же время задерживаютъ солнечные лучи. Рѣшетки такого устройства находятся почти во всѣхъ Назаретскихъ домахъ и остаются спущенными отъ самаго утра до вечера, когда зной смѣняется на пріятную прохладу. Молодой Кезма познакомилъ насъ съ двумя сестрами—дѣвушками и съ своею матерью, симпатичною старушкой, которая, прижимая свою лѣвую руку къ сердцу, въ знакъ признательности за наше посѣщеніе, правую подавала намъ для привѣтствія. Мы были довольны, когда послѣ винограда принесли намъ по стакану лимонаду, въ которыхъ плавали куски искусственнаго льда. Съ удовольствіемъ выпивъ сладкой освѣжающей влаги, мы поблагодарили хозяекъ и вышли изъ дома. На вопросъ, гдѣ жители Назарета берутъ воду для домашняго употребленія, такъ какъ единственный источникъ въ городѣ, источникъ Пресвятой Дѣвы, не можетъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ домашняго обихода, Тофикъ объяснилъ намъ, что почти въ каждомъ жилищномъ домѣ находится цистерна. Дождевая вода во время зимнихъ мѣсяцевъ наполняетъ эти резервуары доверху и служитъ запасомъ на большую половину года. Для питья эта застоявшаяся въ цистернахъ вода, конечно, не особенно пріятна, но въ крайнемъ случаѣ употребляютъ и ее. Бѣдные же жители, не имѣя собственныхъ цистернъ, пользуются водою своихъ сосѣдей или за плату, или же получая ее безвозмездно. Для мытья бѣлья и посуды, а также

половъ, употребляютъ только эту воду. При этомъ Тофигъ показалъ намъ на дворѣ своего дома подобную цистерну, довольно глубокую и до половины наполненную водою.

Мы проходили мимо лавокъ, которыя, вѣроятно, такъ же первобытны, какъ были во дни земной жизни Спасителя. Мы вошли въ одну изъ портняжныхъ, въ которой еще наканунѣ одинъ изъ студентовъ заказалъ полный арабскій костюмъ для маленькаго мальчика. Внутри лавки, занимая почти всю ея площадь, находился довольно низкій столъ, на которомъ сидѣли два взрослыхъ араба и три мальчика, занимаясь шитьемъ какого-то платья. Рядомъ съ этою лавкою находилась мастерская, въ которой занимались столярной и плотничьей работой. Два араба возились около станка, поставленнаго въ глубинѣ комнатки, и строгаали какую-то доску. Мальчики—ученики смотрѣли на работу взрослыхъ, пріучаясь подражать имъ. Одинъ плотникъ сидѣлъ на порогѣ лавочки на низенькой скамейкѣ и, держа на колѣняхъ дощечку, дѣлалъ на ней инструментомъ, на подобіе нашей стамески, какія-то углубленія. Напротивъ была также плотничья мастерская, и намъ интересно было смотрѣть, какъ эти восточные плотники работаютъ, сидя на полу у двернаго порога, не обращая вниманія на страшную жару знойнаго дня. Одни, сидя на землѣ, просверливаютъ дырки въ деревѣ, другіе работаютъ что-то скобелемъ. Не при подобной ли обстановкѣ работалъ св. Іосифъ, пріучая къ своему ремеслу своего названнаго Сына, Божественнаго Отрока Иисуса? Это вполнѣ возможно, такъ какъ на Востокѣ нравы и обычаи отличаются особенною устойчивостію

А вотъ, и сапожники: они, какъ и всѣ ремесленники, сидятъ на порогѣ двери или на улицѣ, занимаясь сапожнымъ ремесломъ. Но все ихъ искусство ограничивается приготовленіемъ легкихъ и короткихъ сапогъ изъ ярко-цвѣтнаго сафьяна, а также и туфель безъ задниковъ и деревянныхъ сандалій, обычныхъ въ Назаретѣ. Мы проходили мимо кузницъ съ маленькими мѣхами, горнами и небольшими наковальнями. Въ кузницахъ навариваютъ лемешки къ сохамъ, кирки, и дѣлаютъ особые складные ножи, которые, благодаря своей дешевизнѣ, отъ шести до десяти копеекъ, въ большомъ ходу у бѣдныхъ жителей Назарета.

Былъ уже третій часъ въ началѣ. Мы поспѣшили домой.

Еще издали увидѣли мы экипажи, стоявшіе у воротъ русской школы, которые дожидались насъ уже болѣе получаса. „Скорѣе, скорѣе,—иначе мы не прійдемъ до ночи въ Каифу“, торопилъ насъ съ своимъ обычнымъ апломбомъ знаменитый Марко. Мы вошли во дворъ: кавасъ Родіонъ, Несторъ и другіе служители бѣгали по двору, таская вещи въ экипажи. Мы пошли на верхъ. Преосвященный и другіе были почти готовы. Поспѣшно выпили мы по стакану чаю, спустились внизъ, и стали собираться къ отъѣзду.

(Окончаніе слѣдуетъ).
